

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Юлии Архаровой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

НОЧНАЯ ГОСТЬЯ
ДОРОГА В НОЧЬ

ПРАВО ПЕРВОЙ НОЧИ

Юлия АРХАРОВА

ПРАВО ПЕРВОЙ НОЧИ

Роман

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А87

Серия основана в 2004 году
Выпуск 579

Художник
С. А. Григорьев

Архарова Ю. А.
А87 Право первой ночи: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 314 с.: ил. —
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2026-1

Казалось бы, простая история. Юную травницу, сироту, насильно выдают замуж за сына деревенского старосты. По традиции первую брачную ночь девушка должна провести в постели сеньора, но владелец земель решает уступить свое право заезжему дворянину из столицы Империи.

Однако герои вовсе не те, за кого себя выдают. Провинцию вот-вот охватит мятеж. В столице Империи зреет заговор. Пробуждается к жизни культ древней магии... А простая на первый взгляд история может всколыхнуть целый материк.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Архарова Ю. А., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015
ISBN 978-5-9922-2026-1

ГЛАВА 1

Я уныло рассматривала свое отражение в зеркале. На моем лице не было ни малейших следов радости, что пристало испытывать девице, которая вот-вот должна выйти замуж.

Рыжая грива, несмотря на все попытки тетки Марты уложить ее в некое подобие прически, топорщилась во все стороны и ниспадала тугими локонами до середины спины. Не по-эрлайски бледную кожу лица украшала россыпь мелких веснушек. Само лицо худое, костлявое. Вздернутый нос, упрямый подбородок. Темные брови, изумрудно-зеленые глаза... По меркам благословенной Эрлии меня никак нельзя было назвать красавицей.

На худосочном теле расшитое свадебное платье, доставшееся от Фарлины, сестры моего будущего мужа, висело мешком. И в росте и в комплекции я первой красавице деревни значительно уступала. Подол укоротили, а вот перешивать платье для меня никто не стал. Покроем свадебный наряд напоминал тунику, так что проблему решили просто — на моей талии потуже затянули кушак. Правда, перед этим бабка жениха не упустила возможности в очередной раз уколоть меня и громко посоветовала:

— Девка, напихай себе чей-нибудь за пазуху! А то плоская, аки доска!..

На высказывание будущей родственницы я не обратила внимания. Как и на смешки, переглядывания и перешептывания женщин, которые собрались в доме старосты.

Жители деревни считали, что такой замухрышке, как я, необычайно повезло. Ведь меня решил взять в жены молодой кузнец — богатырь, красавец и, самое главное, единственный сын старосты. А по мне так просто белобрысый детина с завышенным самомнением. Фирдан будто являлся живым воплощением пословицы: «Сила есть — ума не надо».

Разумеется, выбор красавца Фирдана не одобрили ни его отец с матерью, ни многочисленные родственники и прочие деревенские жители. Где это видано, чтобы сын старосты женился на травнице, которая живет в полуразвалившейся хибаре на окраине деревни? Когда один из самых завидных женихов округи берет в жены сироту, девочку без роду и племени и, что немаловажно, без гроша в кармане?

Совета родичей Фирдан слушать не стал, от деревенских просто отмахнулся. А я... моего мнения никто и не спрашивал.

Мне бы, дуре рыжей, заподозрить неладное, когда молодой кузнец слишком зачастил к моей избушке. То занозу вытащить попросит, то отвар для простуженного горла, то растирание для бабки, у которой опять спину прихватило. Жива была бы моя наставница Отха, она бы поняла, что у этого детины на уме. Я же радовалась копченому окороку и новому ножу, тому, что Фирдан мне косу наточил и дров нарубил. Невдомек дуре конопатой было, что так за мной сын старосты ухаживал.

А когда сваты пожаловали, что-либо делать поздно стало. Я сирота, постоять за меня некому.

На следующую ночь я попыталась сбежать. Далеко не ушла. Поймали. На вторую ночь снова попыталась, но даже за околицу выбраться не смогла. После этого староста меня собственноручно выпорол. Вообще-то, по правилам, такая честь должна была достаться моему отцу, но за неимением оного сошел и будущий свекор. Перепало мне от Пафтия сильно. До сих пор, спустя десять дней, больно сидеть.

Больше сбежать я не пыталась. Не потому, что боялась

Пафтия. Стерegli меня как зеницу ока. Ни на секунду не оставляли одну, все время рядом со мной крутилась пара-другая родственниц Фирдана.

Как бы ни были люди поначалу против моего с Фирданом союза, сейчас дело было в чести самого старосты и всей деревни. А потому сегодня на закате меня ждала свадьба и первая брачная ночь...

Тетка Марта водрузила на мою голову венки из ромашек и отступила на пару шагов, дабы полюбоваться результатом своих трудов.

— Вот! Так-то лучше! — удовлетворенно изрекла она. — Хотя нет. Подожди!

Дородная женщина метнулась ко мне и принялась нещадно щипать за щеки, пока не добилась здорового, по ее мнению, румянца.

— Теперь точно лучше! — расплалась в улыбке Марта. — Ты, Алька, даже на человека стала похожа. Эх, не спешил бы так Фирдан со свадьбой... Откормить бы тебя пару-тройку месяцев...

Алька — это так меня зовут. Вообще-то я предпочитаю, чтобы меня называли Алана. Но в вопросе имени, как и во всех остальных, мое мнение не учитывалось. Так что с тех пор, как умерла Отха, меня иначе как Алькой не называли.

— Почему все-таки он так спешит? — подала голос Ларида, у которой имелись свои виды на моего жениха. — Неужто правду говорят, и Фирдан этой, — кивок в мою сторону, — успел ребеночка заделать.

— Да враки все это! — вступилась за брата Фарлина. — Не было у них ничего. Даже до поцелуев и до тех дело не дошло. Точнее, братец пытался нашу травницу поцеловать, когда свататься пришел, а та его в ответ коромыслом огрела. Не изукрасила бы Алька ему пол-лица, Фирдан бы еще на той неделе женился, а так решил внять уговорам отца и подождать, пока сойдет синяк.

— Так к чему спешка-то? — включилась в разговор другая девица-красавица, безмерно обиженная на меня и весь мир за то, что Фирдан выбрал какую-то пришлую травницу, а не ее.

— А я почему ведаю? — Фарлина всплеснула руками. — Вы что, моего брата не знаете?.. Если он втемяшит что-то в голову, то прет напролом, ничем его с пути не своротишь. Сейчас цель у Фирдана одна — забраться к этой рыжей под юбку.

Услышав последнюю фразу, я поморщилась. Вот уж во всех отношениях заманчивая перспектива!

— Что кривишься? — накинулась на меня бабка Фирдана. — Счастья своего не понимаешь, дура конопатая!

Точно дура, мысленно согласилась я. Была бы умнее — вовремя сбежала бы из деревни.

Вот только куда бы я подалась?.. Куда вообще может податься девица девятнадцати лет от роду без гроша в кармане? Ладно, вру. Шесть медных монет у меня припасено было, но вряд ли на них в городе удастся прожить хотя бы пару дней. А до города еще добраться надо — в эрлайских лесах хватает лихих людей, охочих до легкой поживы... Да и что мне делать в городе. Где жить? Чем заниматься? Кому я там вообще нужна?

В соседних деревнях я известна как хорошая травница, но там и моего жениха знают. Укрывать меня, идти на конфликт со старостой нашей деревни никто бы не стал... А там, где меня никто не знает, я и вовсе никому не нужна. Меня бы или прогнали взащей, или заставили днем работать в поле, а ночью в постели у какого-нибудь рачительного хозяина. Пока я бы еще доказала, что хорошая травница, и доказала бы вообще...

Эх, если бы я свой первый побег лучше спланировала и подготовила, а не действовала на чистых эмоциях! Не пришлось бы сейчас готовиться к свадьбе, с ужасом ожидая грядущей брачной ночи...

Надо было действовать нагло, с размахом.

После того как меня сосватали, деревня полночи гуляла. Что мне стоило подмешать в вино сонного зелья? Потом прихватить из дома старосты шкатулку с монетами и позаимствовать коня? Тогда можно было бы и в городе попытаться устроиться...

Но я сглупила и подсыпала снотворного только взяв-

шейся меня сторожить тетке Марте. Этот случай людей кое-чему научил, так что теперь меня к кухне и близко не подпускали, а также следили, чтобы у меня не было доступа к каким-либо травам, порошкам, зельям и кореньям.

Утешала я себя лишь тем, что так не могло продолжаться вечно. Если стану тихой, примерной женой, то скоро людская бдительность ослабнет — не могут же меня сторожить вечно. Да и деревня большая... Ко мне и так за дни вынужденного заточения несколько раз с вопросами подходили: у одних ребенок заболел, у других скотина захворала... Но скоро кто-то заболеет серьезно, и тогда одними советами не отделаешься.

— Да и залез бы Фирдан под юбку к Альке! — фыркнула Ларида. — Никто за это бы не осудил. Натешился бы и...

— А ты молчи! — Бабка отвесила девушке звонкий подзатыльник. — Годов всего ничего, только в возраст вошла, а все туда же!.. Увижу еще раз, как ты с сыном мельника милуешься, выпорю так, что еще долго парней стороной обходить будешь!

Ларида густо покраснела и на всякий случай пересела на соседнюю лавку подальше от бабки.

— И все равно не понимаю, — уже гораздо тише сказала Ларида, — Алька ведь не только тощая и страшная, так еще и старая!

— Мне бы самой понять... — вздохнула я.

Женщины, собравшиеся в доме, удивленно воззрились на меня. За последнюю пару часов я не произнесла ни слова, а вот тут не сдержалась.

Мало того что я не отвечала эрлайским канонам красоты, так и почти вышла из брачного возраста. В деревнях женятся рано, большинство девиц годков в пятнадцать-шестнадцать замуж выскакивают. Так что я по праву считалась старой девой, на которую мог позариться разве что какой-нибудь вдовец... Еще большую пикантность ситуации придавало то, что Фирдан был меня на пару месяцев младше.

— Может, Алька нашего кузнеца все же приворожила?

Опоила любовным зельем? — Марта никак не могла простить того, что я ее усыпила.

— Сколько раз говорить, я не знаю рецепта приворотного зелья, — вздохнула я. — Да и святой отец перед всей деревней подтвердил, что помыслы Фирдана чисты, что он не околдован.

— Все мы там были... Слыхали. Видали, — сварливо изрекла бабка. — Но все ж зелье многое бы объяснило...

Женщины согласно загалдели, а я опять замолчала.

После того как Фирдан заявил о намерении на мне жениться, деревенские сразу подумали, что дело тут нечисто и сына старосты приворожила рыжая травница. Случай взялся расследовать отец Оргус... Вот тогда я страха-то и натерпелась. Больше всего боялась, что священник признает, что приворот имел место, и гореть мне тогда на костре.

Ведовство в провинции Эрлия находилось под строжайшим запретом. На знахарок и травниц священнослужители смотрели косо, но пока мы не вредили людям, не варили запрещенных зелий и не пытались колдовать, на наше существование закрывали глаза.

Я сама никак не могла взять в толк, почему Фирдан ко мне воспылал страстью, и вполне допускала мысль, что чувства кузнеца ко мне были неискренними, а колдовским образом наведенными, что меня кто-то решил подставить. Но после того как отец Оргус в моей избушке не нашел ни запрещенных книг, ни зелий, ни даже ингредиентов (а ведь они точно были! кому знать, как не мне), я совсем запуталась...

ГЛАВА 2

Мне доводилось слышать, что титулованные особы и всякие там богатеи предпочитали жениться на заре или, во всяком случае, утром. В этом случае торжество выходило более пышным, красивым и... богоугодным. Известно же, хочешь, чтобы твои мольбы были услышаны, — обра-

щайся к небесным покровителям утром, чем раньше, тем лучше. По мне, так чушь все это. Нет, какой-то Бог, Творец, Создатель, вероятно, существует. Вот только дела ему до людей и их просьб особого нет.

Наша деревня была весьма зажиточна, но все же такую роскошь, как свадьбу на заре дня, позволить не могла. Ведь кому-то надо было обиходить скотину, наколоть дров, приготовить яства для грядущего праздника...

Когда дневная жара спала и солнце начало клониться к горизонту, меня наконец вывели из дома.

На большой площади, расположенной у подножия замкового холма, собрались, наверное, все жители деревни. Я завороченно рассматривала людей, с которыми прожила чуть ли не половину жизни. Одни радовались предстоящему ночному гулянию, другие, в основном незамужние девицы, были угрюмы, третьи поглядывали на меня с любопытством и каким-то предвкушением... В сторону жениха я всеми силами старалась не смотреть. Насмотрюсь еще. Успею.

По центру площади на возвышении в три ступеньки стояла часовня. Со стороны сооружение больше всего напоминало причудливую беседку, так как ни стен, ни каких-либо ограждений у часовни не было — лишь шесть украшенных причудливой резьбой столбов, которые удерживали шатровую крышу. Внутри часовни была расположена каменная купель, в которую нам с Фирданом предстояло опустить руки, чтобы стать супругами перед Богом и людьми.

Тетка Марта, ведущая меня за руку к часовне, вдруг тихо ойкнула и прошептала:

— Смотри, Алька, сам барон здесь! Честь-то какая! Да смотри-смотри, его милость не один, а с гостем. Говорят, он наемни из самой столицы провинции приехал!

И действительно, в нескольких шагах от часовни в окружении десятка стражников стояли двое мужчин. Первого я видела не раз. Высокий, грузный. Время ссутулило спину когда-то могучего воина и выбелило его волосы. Гладко выбритое лицо избородили глубокие морщи-

ны. Барон Ольгрейд тяжело опирался на витой посох. Плечи хозяина замка покрывал красный плащ, а грудь — легкая кольчуга.

Второй мужчина был еще довольно молод, около тридцати, черноволос, смугл и худощав. Черты лица резкие, будто выточенные из камня. Выражение лица скупающее. Когда гость барона скользнул по мне равнодушным взглядом, на меня будто вылили ушат ледяной воды.

В росте и телосложении незнакомец несколько проигрывал гиганту Ольгрейду. Одет гость был во все черное с редкими вкраплениями серебра. Притом одежда не чета баронской. Ни тебе плаща, ни кольчуги. Лишь камзол, брюки, высокие сапоги да пояс с мечом. Не человек, а черный ворон — вестник несчастья.

В другое время я, несомненно, заинтересовалась бы странным гостем барона. Но сейчас мне было не до того.

Чем ближе я подходила к часовне, тем сильнее меня начинало трясти.

Я пыталась скрыть дрожь. Пыталась мило улыбаться. Ведь чем дольше буду убеждать людей, что я смирилась, приняла навязанный мне брак и теперь счастлива, тем дольше не смогу осуществить побег.

Мысленно уговаривала себя расслабиться, твердила, что все будет хорошо. Всего-то надо потерпеть недельку-другую, ну, максимум месяц. Не больше!

И все же последние несколько шагов тетке Марте пришлось меня практически тащить. У самого возвышения мы остановились. Женщина легко подтолкнула меня и прошептала:

— Ну же, иди. Алька, на тебя все смотрят!

— Мы ждем тебя, дочь моя, — торжественно объявил святой отец Оргус и благостно мне улыбнулся.

Я вздохнула. Зажмурилась, как перед прыжком в воду. И вошла в часовню.

Шейран Ферт откровенно скучал. Он мог потратить время с гораздо большей пользой, если бы занялся изучением бухгалтерских книг и счетов Ольгрейда, чем на праз-

днике жизни под названием «деревенская свадьба». И пусть в счетах барона на первый взгляд все сходилось... Но три года назад Ольгрейд был уличен в том, что поставил в армию несколько меньше провизии, чем проходило по бумагам. Конечно же барон уверял, что произошла ошибка, но доказать ничего не смог. С тех пор владения Ольгрейда были поставлены на особый контроль, а у Шейрана Ферта появился повод регулярно наведываться в баронство с проверкой.

Если бы Ферт находился с визитом в другой провинции, то с чистой совестью мог отказаться от посещения деревенской свадьбы. Но не в Эрлии... Здесь что дворяне, что простые люди так консервативны, столь закостенели в своих традициях и обычаях, будто на дворе не Просвещенный век, а Дикие времена. Если бы Шейран отказался от посещения праздника, то обидел бы хозяина замка, а этого императорский порученец допустить не мог.

Мужчина вполуха слушал рассказ Ольгрейда о недавней охоте и с тоской рассматривал сборище крестьян. Судя по тому, как перешептывался народ, выход невесты задерживался. Наконец толпа расступилась, и на площадь робко ступила худенькая рыжеволосая девушка.

Увидев невесту, Шейран еле удержался от удивленно-го восклицания и с трудом вернул лицу скучающее выражение. Эмоции — непозволительная роскошь для человека его работы.

Впрочем, удивление императорского порученца было понятно, он никак не ожидал увидеть мернианку в роли невесты на этой свадьбе. Несмотря на то что до границы с Мернианом от Ольгрейдского замка недалеко, встретить мернианца здесь так же сложно, как в центральной Империи или где-нибудь на Уишских островах. Горный народ испокон веков жил изолированно: и к себе никого не пускал и сам крайне редко покидал свою территорию. Подобная политика, а также неприступная стена гор, через которые вел единственный перевал, привели к тому, что Мерниан остался единственным государством на континенте, которое не признало власть императора.

Жители провинции Эрлия в большинстве своем обладали весьма характерной внешностью. Они были высоки ростом, широки в кости и сплошь беловолосы. Хрупкая рыжая мернианка рядом с женщиной, тащившей ее к часовне, выглядела ребенком. Испуганным. Беспомощным. Девушка пыталась улыбаться, но по глазам было видно, что страх и отчаяние буквально сжирают ее изнутри.

— Эта девчонка... откуда она? Не похожа на местную уроженку, — весьма невежливо оборвал Ферт очередной рассказ Ольгрейда про гончих собак.

Старик ничуть не обиделся и, весело хохотнув, сказал:

— Лорд Ферт, я как чувствовал, что вам наша травница приглянется! Вы совершенно правы, не местная она. Старуха-знахарка приютила сиротку лет десять назад...

Фирдан осторожно, будто боялся сделать больно, взял меня за руку. Узенькая ладошка буквально утонула в огромной мозолистой лапе кузнеца.

Святой отец Оргус говорил какую-то прочувственную речь про божественный промысел, про семейную жизнь и то, что жена должна во всем слушаться мужа... А я все так же старательно растягивала губы в улыбке и избегала смотреть на Фирдана.

Меня раздирали противоречивые чувства. Страх. Ненависть. И... непонимание. Еще недавно я наивно думала, что Фирдан — мой друг. Он единственный, кто никогда не насмеялся надо мной, кто не обижал меня. Более того, Фирдан всегда за меня заступался.

А вот оно как получилось...

— Дети мои, опустите руки в купель! — провозгласил священник.

Кузнец легко опустил в каменную чашу с водой свою руку, а вместе с ней и мою. Священник начал читать молитву, и в ту же секунду купель поглотило сияние. Я почувствовала легкую щекотку, а затем жжение в области запястья. Когда через пару минут отец Оргус разрешил вынуть руки из воды, на тыльной стороне запястий у нас с Фирданом появились одинаковые татуировки — этикие

сложные узоры, больше всего напоминающие мотки спутанной пряжи.

Говорят, не бывает двух одинаковых божественных меток. А еще, что брачную татуировку никак не свести, разве что кожу срезать. Последнее утверждение мне как раз предстояло в скором времени проверить...

— Отныне перед Богом и людьми вы муж и жена! Фирдан, береги жену, Алана, чти мужа — торжественно объявил отец Оргус. — Фирдан, теперь ты можешь поцеловать супругу.

Мне надо было повернуться к мужу, улыбнуться ему, но я будто окаменела.

— Посмотри на меня, — шепнул Фирдан.

С невероятным трудом я все же пересилила себя и посмотрела на кузнеца. Для этого пришлось задрать голову. Круглое мясистое лицо моего супруга буквально светилось от счастья.

— Алька, обещаю, мы будем счастливы! — прошептал кузнец, а затем легко приподнял меня над землей на добрый аршин и поцеловал в губы. К моему невероятному счастью, поцелуй не затянулся, и меня быстро вернули на грешную землю.

Эх, не пара мы. Совершенно не пара! И почему кузнец этого не понимает?!

Ага, не пара... Дьявол, укуси меня за пятку, теперь мы супружеская пара!

От охватившей меня тоски и отчаяния хотелось завыть...

Солнце уже опустилось за горизонт, а голова слегка кружилась от вина. Вообще-то пить мне сегодня не следовало, но как еще успокоить нервы, да и чем заняться?

Жители деревни развлекались: пили и танцевали. Несколько человек дошли до такого состояния, что улеглись под соседним столом и теперь наподобие какого-то сказочного чудища дружно храпели.

По счастью, Фирдан еще во время первого танца умудрился отдавить мне ногу, так что у меня появился повод от

дальнейших плясок отказаться. Кузнец некоторое время страдал рядом со мной, нещадно подливая себе вино и пытаясь развлекать меня разговорами, но затем я все же уговорила его пойти потанцевать. Меня наградили щенячьим взглядом, а после этого Фирдан с радостным гиканьем влился в хоровод.

Вот и оставалось мне лишь тихонько цедить разбавленное вино, да мило улыбаться и любезно благодарить людей за пожелания счастливой семейной жизни и горячей брачной ночи. Притом чем дальше, тем двусмысленнее становились пожелания. Некоторые жители деревни посчитали своим долгом подойти ко мне не один раз.

Я уже начала жалеть, что отпустила от себя Фирдана. Быть может, при нем они постеснялись бы... Нет, вряд ли. Тогда я бы точно от стыда сгорела. И еще — не дай бог — кузнец взял бы некоторые советы на заметку и потом решил бы их применить на практике...

Вдруг музыка стихла и меж людей пронеслось:

— Тише. Тише! Сейчас барон говорить будет!

Рядом со мной откуда-то появился запыхавшийся Фирдан. Быстро подхватил меня с лавки и поставил на ноги. Взял за руку.

Наконец люди угомонились. Разбрелись, кто еще мог, по своим местам. Приготовились слушать барона.

По традиции поздравление молодым правитель произносил в самом конце свадебного пира. Хотя на самом деле ничего не заканчивалось. После тоста барон вместе с девушкой удалялся в замок, а деревня продолжала гулять до утра.

Мне доводилось слышать, что в других провинциях право первой ночи давно отменено, что сам закон этот признан варварским и богопротивным. Так это или нет, я не знала. Да и какая разница, если в Эрлии право первой ночи соблюдалось неукоснительно?

Последние годы барон сильно сдал, так что свадебные пиршества посещал все реже и реже. Вместо Ольгрейда молодых поздравлял управляющий замка или начальник стражи. Но молодая крестьянская жена свою первую

брачную ночь все равно должна была провести в спальне лорда. Таков был закон.

Женщины шептались между собой, что лорд Ольгрейд как мужчина уже мало на что способен. Потискает немного девушку и на этом успокоится. Лишь немногие деревенские красавицы могли похвастаться тем, что лишились невинности в баронской постели...

С другого конца стола тяжело встал правитель земель. Поднял серебряный кубок с вином.

— Что ж... Хочу поздравить старосту деревни Заречное с прекрасным сыном. Эх, какой богатырь вымахал! Женушку он себе явно не по росту подобрал...

Среди собравшихся раздались редкие смешки, но на весельчаков тут же зашикали. Зато насмешливым взглядом меня одарил, наверное, каждый второй житель деревни.

— ...Впрочем, мы здесь собрались не для того, чтобы обсуждать выбор жениха и достоинства невесты... — продолжил старик. — Я хочу пожелать молодым счастливой семейной жизни и детишек побольше! А еще, чтобы все детишки уродились в отца!.. — Барон залпом осушил кубок.

Деревенские поддержали тост своего правителя дружным смехом и выкриками, в которых всецело выразили согласие со словами лорда Ольгрейда.

Несмотря на то что улыбка будто приклеилась к моему лицу, всеобщей радости я не разделяла, так как понимала, что ребенка от такого гиганта, как Фирдан, вряд ли смогу выносить, не говоря уже о том, чтобы родить. Ситуацию усугубляло еще и то, что ближайшая знахарка жила в нескольких часах пути и она была не чета моей наставнице Отхе.

Впрочем, о чем это я? Рожать от Фирдана я не собиралась. Даже если мне придется задержаться в деревне несколько дольше, чем я планировала, до родов дело точно не дойдет — я знала пару десятков способов, как не допустить нежелательной беременности.

Барон дождался, пока его подданные угомонятся, и продолжил говорить:

— ...И чтобы молодым было, на что устроить жизнь, я передаю этот кошель старосте деревни, — лорд Ольгрейд демонстративно снял с пояса кошелек. — Здесь тридцать монет медью!

Все деревенские разом восторженно закричали, а Фирдан подхватил меня на руки и закружил. Когда кузнец наконец опустил меня на землю, я еле удержалась на ногах. Пришлось облокотиться на Фирдана, чему тот, конечно, был только рад.

На этот раз барону пришлось ждать гораздо дольше, пока люди успокоятся. Неудивительно, ведь лорд Ольгрейд проявил неслыханную щедрость! Обычно молодоженам правитель земель дарил несколько медяков, крайне редко новой семье перепадал даже десяток монет. Но тридцать! По нашим меркам это почти состояние. На эти деньги можно двух коров купить!

Старик глотнул вина из кубка, который наполнил один из его воинов. Слегка побряхтел, прочищая горло, а затем сказал:

— Все вы знаете, что Триединый Бог так и не одарил меня наследником мужеского пола, а свою единственную дочь я пока не успел выдать замуж. Сам же я, к сожалению, уже не так молод...

Я напряглась. От дурного предчувствия скрутило живот.

Фирдан закаменел лицом и так сжал мою руку, что, казалось, хрустнули кости.

— ...Так уж получилось, что в замке остановился виконт Шейран Ферт. Надеюсь, на эту ночь он согласится стать моим правопреемником в одном весьма приятном вопросе, — барон усмехнулся и указал на сидящего рядом черноволосого мужчину.

— Что?! — вопрос слетел с моих губ, но, кажется, его никто не услышал. Во всяком случае, ни ответом, ни вниманием меня никто не удостоил. Все смотрели на худощавого мужчину в черном камзоле.

На долю секунды мне показалось, что виконт удивился предложению правителя земель. Но даже если и так, спра-

вился с собой он быстро. Поднялся из-за стола. Отвесил легкий поклон лорду Ольгрейду, а затем сказал:

— Предложение слегка неожиданное, но раз поблизости нет другого лорда, я с радостью помогу барону Ольгрейду в этом щекотливом вопросе, — Шейран Ферт окинул меня оценивающим взглядом.

От этого взгляда, от улыбки, скользнувшей по губам лорда, меня будто мороз пробрал до костей. Захотелось спрятаться за... да хоть за спину этого остолопа Фирдана!

Вот только я прекрасно понимала, что ни кузнец, ни кто-либо другой мне не поможет.

Право первой ночи было одновременно и законом и традицией, устоявшейся на протяжении сотен лет. Оно было величайшей честью, актом закрепления дворянином своих прав на людей, которые рождаются на его землях. К тому же после ночи, проведенной в спальне господина, некоторые женщины производили на свет первенцев, которые мало походили на своих законных отцов, — это тоже была честь и невероятная удача.

Тот же Фирдан, поговаривали, лицом весьма напоминал лорда Ольгрейда в молодости. Старики шептались, что Пафтий никогда не стал бы старостой, если бы не его жена. Возможно, с этим и был связан столь щедрый подарок барона?..

На деле, конечно, все было не так гладко, и новобрачные далеко не всегда право первой ночи принимали как должное. И если молодые мужья все больше смотрели на закон как на неизбежное зло, то их жены, по понятным причинам, воспринимали происходящее гораздо болезненнее. На свадьбах юные невесты закатывали истерики или напивались до беспамятства. Чтобы не допустить подобного, еще утром меня заставили выпить настой валерианы, а на пиршестве тетка Марта лично следила за тем, чтобы я пила только разбавленное вино.

Иногда доходило до того, что молодая пара сбегала из деревни, чтобы пожениться в ближайшем городе. Вот только после этого дорога домой им была заказана. Неудивительно, что подобные случаи происходили нечасто.

Мало кто решится покинуть свой дом, землю, родных и друзей.

К нашей стороне стола подошел барон вместе с гостем и десятком стражников.

— Ну что, девочка, пойдем? — обратился ко мне лорд Ольгрейд.

Я было дернулась, но моя рука оказалась все так же крепко зажата в лапе Фирдана. Спроси меня в этот момент, сама бы не смогла сказать, что именно я собиралась сделать: шагнуть к барону и этому Ферту или метнуться прочь.

На плечо кузнеца легла тяжелая рука начальника стражи.

— Не стоит, парень. Отпусти ее.

Фирдан беспомощно посмотрел на меня, и я, неожиданно для самой себя, кивнула.

Я ничуть не сомневалась: стоит мне сказать хоть слово, и Фирдан с легкостью раскидает стражников. Вот только успех его будет сиюминутным. Деревенского силача быстро скрутят, а затем в назидание еще и всыпят плетей.

Как бы мне ни хотелось отомстить сыну старосты, я понимала, что подобная выходка усугубит не только положение кузнеца, но и мое.

— Умная девочка, — услышала я тихий, чуть насмешливый голос Шейрана Ферта.

ГЛАВА 3

В замке мне доводилось бывать не раз. Многие жители деревни выполняли те или иные работы для лорда Ольгрейда. Не была исключением и я — собирала травы и коренья для баронского лекаря.

Но одно дело пройтись по внутреннему двору замка, заглянуть в конюшню или на кухню, а совсем другое — подняться по старой, растрескавшейся от времени белокаменной лестнице и войти в дом правителя земель через парадный вход. Оказаться в огромном зале, стены которо-

го покрывают гобелены и штандарты. Увидеть своими глазами исполинский мраморный камин, по бокам которого стоят древние рыцарские доспехи. Восхититься золоченой люстрой на несколько десятков свечей...

— Девка, не стой столбом. Иди за лордом Фертом. И постарайся быть поласковее с моим гостем.

Услышав слова барона, я подскочила на месте и густо покраснела. И вовсе не из-за напутствия лорда Ольгрейда. Я поняла, что, как последняя деревенщина, стою посреди зала и, разинув рот, глазею по сторонам. А кто я? Деревенщина и есть! Не важно, что я не родилась в Заречном, что мое детство прошло в несколько ином, более цивилизованном месте. Но почти половину жизни я провела в забытой Богом деревне, это не могло не отложить отпечаток на мое мировоззрение.

— Да, ваша милость, — пролепетала я и поклонилась барону.

— Лорд Ферт, надеюсь, мой подарок придется вам по вкусу.

— Я тоже на это надеюсь, — кивнул черноволосый мужчина.

Ольгрейд хохотнул и похромал к огромному креслу, стоящему около камина. Мне же не осталось ничего другого, как последовать за Шейраном Фертом.

Мы поднялись на второй этаж, прошли по длинному, скупо освещенному коридору. За это время мужчина не произнес ни слова, даже ни разу не обернулся, чтобы проверить, иду ли я за ним. Баронский гость остановился у одной из дверей и постучал в нее. Да так странно... Не постучал даже, а выбил заковыристую дробь!

Некоторое время ничего не происходило, затем послышался звук отодвигаемого засова, и дверь распахнулась. В коридор выглянул худощавый человек средних лет. Ростом он оказался лишь на полголовы выше меня, по эрлайским меркам его сочли бы коротышкой. Впрочем, мужчина определенно был родом не из нашей провинции, а откуда-то из центральной Империи. Темные волосы слуги кое-где уже посеребрила седина. Одежда на мужчи-

не была добротная, хотя и довольно простая. На носу имперца красовались очки в тонкой золотой оправе — диковинка для здешних мест. Я не могла припомнить, чтобы за последние восемь лет мне доводилось видеть хотя бы одного человека в очках.

Выглядел слуга устало, под глазами набухли мешки, а сами глаза покраснели так, будто человеку несколько часов кряду пришлось читать. Я отметила про себя, что держался мужчина несколько настороженно. На меня поглядывал, как на ядовитую змею.

— Шейран, ты долго, — сказал человек, пропуская нас в комнату и закрывая дверь на засов.

Может, я ошиблась с первым выводом и мужчина в очках не слуга? Имперец слишком свободно держался с ви-контом.

— Извини, Тони. Знал бы ты, как я ненавижу эти деревенские свадьбы! — желчно усмехнулся баронский гость. — А мне еще и девчонку навязали. Ольгрейд считал, что раз к нему в гости пожаловал другой лорд, то можно свалить на него кое-какие обязанности. Тем более что девчонка явно не во вкусе старика.

Тони окинул меня задумчивым взглядом и произнес:

— Да ничего девица! Всяко лучше тех, что барон подсовывает тебе обычно.

— Не спорю, — сказал Шейран, расстегивая несколько пуговиц на камзоле.

Неприятно, когда о тебе говорят в третьем лице, так, будто ты пустое место. Да не просто говорят — оценивают, словно лошадь на базаре. Но как бы мне не хотелось ответить какой-нибудь колкостью, язык я держала за зубами. Лучше мне помолчать да послушать, а не характер показывать.

— Фигурка вроде что надо. Хотя, на мой взгляд, девица несколько мелковата... Зато мордашка симпатичная. Девка вообще за красавицу бы сошла, не будь рыжей и конопатой, — принялся перечислять мои достоинства и недостатки Тони.

Хотя нет, похоже, я свою выдержку переоценила. Толь-

ко хотела сказать, что думаю об очкарике-слуге, как заметила, что виконт искоса поглядывает на меня, наблюдает за моей реакцией. А потом наши взгляды встретились, и Шейран мне подмигнул.

Ничего не понимаю!

— Ладно, Тони, хватит смущать мою гостью. Скажи лучше, новости есть?

Слуга вновь удостоил меня недоверчивым взглядом, а потом нехотя сказал:

— Вроде того. Надо поговорить.

— До утра подождет?

— Нет, — покачал головой Тони.

— Что ж, пойдем посмотрим, что тебе удалось найти, — сказал лорд Ферт слуге, а затем обратился уже ко мне: — А ты... Как там тебя?

— Алана.

— Так вот, Алана, ты пока устраивайся где-нибудь тут, — Шейран обвел рукой просторную спальню. — Мне надо кое-что обсудить с помощником... Не волнуйся, тебе не придется меня долго ждать. — Уголок рта Ферта дернулся в улыбке.

Мужчины вышли в смежную комнату и плотно закрыли за собой дверь. Я осталась одна.

Некоторое время как потерянная я наматывала круги по спальне. Терзалась мыслями, что же мне сделать, что предпринять.

Дверь в коридор манила меня. Всего-то и надо отодвинуть засов — путь свободен! Выскользнуть из покоев виконта, переждать ночь в каком-нибудь тихом уголке, а утром вернуться в деревню как ни в чем не бывало. Не думаю, что лорд Ферт будет разыскивать меня по всему замку. А вот пожаловаться... Нет, даже просто упомянуть в разговоре с бароном, что деревенская девка его благосклонностью так и не одарила, может. Вот тогда мне точно не поздоровится!

Да и потом... Я присмотрелась к засову. Он массивный, тяжелый. Без шума не сдвинуть. Я прекрасно помнила, с

каким грохотом и лязганьем Тони открывал дверь в коридор. Нет, лучше даже не пытаться.

Придется остаться в гостевой спальне и действовать по плану. Ведь от того, что эту ночь я должна провести в постели виконта, а не барона, ничего не изменилось. Я к лорду Ольгрейду не собиралась покорно ложиться в постель, а к лорду Ферту и подавно.

Устало опустилась в большое мягкое кресло. Меня знобило — сказывалось напряжение безумного дня.

Шейрана и его слуги все не было. Уснули они там, что ли?! Какие такие срочные дела у этой парочки, что не могут подождать до утра?

Забралась в кресло уже с ногами. Свернулась клубочком. Обхватила колени руками. Так стало немного теплее... Глаза закрывались от усталости.

Нет, спать мне никак нельзя!

Хотя Шейран все равно меня разбудит. Так почему бы не вздремнуть чуток? Силы мне еще понадобятся...

Тони открыл окно и выпустил трех черных, как сама ночь, голубей наружу. К лапке каждой птицы был прикреплен крохотный тубус со свитком.

— Сколько нам еще нужно времени? — спросил Шейран.

— Дня два, максимум три. Тогда будем знать точно.

Виконт кивнул: примерно так он и думал.

Ситуация складывалась весьма неприятная. С бухгалтерскими книгами и счетами Ольгрейда все оказалось в порядке, хотя и не мешало бы еще раз перепроверить... Но Шейран Ферг дважды в год в течение трех лет посещал эти края вовсе не для того, чтобы уличить одного из эрлайских баронов в неуплате налогов или поставках в армию некачественных товаров. Нет, разумеется, бумаги Ольгрейда виконт тоже просматривал, вот только по большому счету это был лишь предлог. Гораздо больше Ферта интересовал готовящийся в провинции мятеж.

Эрлия вошла в состав Империи чуть больше ста лет назад. Сам переход был осуществлен фактически мирно и

бескровно. Для эрлайцев мало что изменилось. Разве что стал править ими другой человек, и именовался он теперь не королем, а наместником. Налоги остались те же, только львиная доля стала уходить не на содержание пышного эрлайского двора, а в императорскую казну. Как и прежде, лорды должны были поставлять некоторое количество продукции, производимой на их землях, и воинов своему правителю.

Поначалу пару раз вспыхивали бунты, но затем все утихло, и жизнь вошла в привычную колею. Оказалось, что в провинции жить гораздо спокойнее, чем в отдельном королевстве. Шутка ли, но за последнюю сотню лет война ни разу не затронула земли Эрлии.

А потому Ферт действительно не мог понять, что же не сидится спокойно старому дворянству провинции. В обмен на присягу эрлайцам оставили все их земли, замки... Но нет, у этих идиотов разыгралась национальная гордость, и они отчего-то ощутили себя бесправными и угнетенными.

Шейран знал: у мятежников нет ни единого шанса на успех. Но если мятеж не остановить, с обеих сторон прольется много крови, не говоря о том, во сколько все это обойдется императорской казне. Да и борцы за свободу и независимость в других провинциях могут зашевелиться...

— Что ты думаешь про Ольгрейда? — спросил Шейран у помощника.

— Все указывает на то, что барон в мятеже не участвует. Хотя, возможно, он знает о готовящемся восстании.

Виконт кивнул. Он был согласен с Тони.

— Надеюсь, барон все же ни при чем. Не хотелось бы отправлять старика на плаху... Ладно, ты отдыхай, завтра будет тяжелый день. А я...

— Пойдешь, пообщаешься с рыжей крестьяночкой.

— Вроде того, — пробормотал Ферт, — вроде того...

В спальню виконт вернулся глубоко за полночь, неудивительно, что Алана к тому времени успела заснуть.

Шейран присел на корточки рядом с креслом, в кото-

ром свернулась девчонка, и в очередной раз поразился тому, насколько травница маленькая и хрупкая. При этом тщедушной или болезненно худой он бы девушку не назвал, просто у нее было такое телосложение.

Рыжие волосы растрепались, скрыв лицо и плечи жены кузнеца. Ферг осторожно отвел в сторону пряди волос, взгляделся в лицо гостью.

Спящая девушка выглядела безумно юной. Если бы Шейран не знал, что Алане девятнадцать, то подумал бы, что ей не больше шестнадцати. И Тони прав, девчонка весьма симпатичная, во всяком случае, явно не чета тем девицам, которых барон обычно пытался подсунуть Ферту в постель. В Эрлии весьма странные представления о женской красоте, с коими Шейран никак не мог согласиться. В отличие от местных жителей, он находил высоких полных женщин малопривлекательными.

Несмотря на то что лето подходило к концу, кожа у Аланы была фарфорово-бледная, чистая, без каких-либо изъянов... если, конечно, не брать в расчет мелкие веснушки, россыпь которых украшала ее лицо.

Высокие скулы, узкий подбородок, пухлые губы. Нос тонкий, аристократический, чуть вздернутый. Изысканно очерченные брови, густые темные ресницы. Глаза сейчас закрыты, но их Ферг хорошо успел рассмотреть на свадебном пиршестве. Для такого маленького узкого личика глаза, пожалуй, слишком большие — слегка раскосые, невероятно зеленые — кошачьи.

Сомнений нет, в этой девушке действительно текла кровь мернианцев. Осталось выяснить, в какой пропорции.

Шейран весь вечер раздумывал, как бы ему поговорить с девушкой. Но возле невесты все время крутился народ. Если бы к Алане проявил интерес баронский гость, за их разговором следила бы вся деревня.

Из осторожных расспросов Ольгрейда почти ничего об Алане узнать не удалось. Староста, что любопытно, о своей невестке тоже знал крайне мало.

Все сведения сводились к тому, что Алану в лесу нашла

знахарка восемь лет назад. Одинокaя женщина приютила девочку у себя, занялась ее воспитанием и обучением. Пару лет назад знахарка умерла, с тех пор часть ее обязанностей взвалила на свои хрупкие плечи Алана. Когда девушка не справлялась, вызывали знахарку из соседней деревни.

Спрашивать, обладает ли юная травница какими-то магическими силами, виконт не рискнул. Эрлайцы народ крайне дикий и суеверный. После таких расспросов старик Ольгрейд вполне мог решить, что место девчонки не на брачном ложе, а на костре.

Шейран задумчиво потер подбородок. Все-таки удачно совпало, что барон решил подсунуть ему травницу на эту ночь. Интересно, Ольгрейд почувствовал интерес гостя к рыжей невесте или с самого начала задумал передать виконту право первой ночи? Но какова тогда причина? То, что Алана не похожа на местных женщин и в большей степени удовлетворит «извращенный» вкус столичного гостя? Или барон знал, что рядом с замком живет девушка, поразительно похожая на мернианку, и специально подсунул Ферту сиротку, чтобы отвлечь от расследования?..

Вряд ли Ольгрейду известны все особенности внешнего облика горцев. Мернианцы не так уж сильно выделяются среди жителей Империи. На континенте проживает немало рыжих и зеленоглазых людей. Встречаются в Империи и хрупкие, миниатюрные девушки. Есть люди с высокими скулами и кошачьим разрезом глаз. Но чтобы вот так все совпало!..

Так уж получилось, что самому Ферту мернианцев видеть доводилось. Несколько раз сталкивался с ними на светских мероприятиях — несмотря на затворнический образ жизни, посольство в столице Империи у горцев имелось. А потому Шейран не сомневался: доля мернианской крови в девчонке была, и, вероятно, немалая. Как бы чистокровной сиротка не оказалась.

Ферт поднялся на ноги. Разговор с Аланой лучше отложить до утра. Если он разбудит девчонку посреди ночи и

начнет выпытывать у нее, откуда она такая красивая взялась, то лишь напугает.

Виконт снял камзол и бросил его на стул. Избавился от сорочки. Стянул сапоги. Уже взялся за ремень узких брюк, когда остановился... А затем, поддавшись внезапному порыву, вернулся к креслу. Осторожно, стараясь не разбудить, подхватил Алану на руки и перенес на кровать. Шейран по своему опыту знал — сон в кресле не идет на пользу даже молодому и здоровому организму. К тому же травница явно замерзла...

Вдруг девушка вздрогнула. Открыла глаза. И столько в этих глазах было ужаса... Алана вырвалась из рук виконта и испуганным олененком метнулась прочь. В мгновение ока преодолела широкую кровать и вскочила на ноги с другой стороны. Настороженно замерла.

Шейран в сердцах выругался: только женской истерики ему и не хватало.

— Успокойся. Ничего тебе не сделаю! Не трону я тебя, — быстро сказал Ферт.

— Не тронешь? — прошипела девчонка.

— Девственницы не в моем вкусе. Возни много, а удовольствия никакого, — поморщился виконт.

— А в кровать зачем тащил? — Алана насмешливо приподняла темную бровь и сверкнула зеленеющими глазами.

— Пожалел дуру. Решил, что спать в кресле холодно и не слишком удобно. Что кровать широкая и места всем хватит.

Алана заметно расслабилась, хотя и посматривала на Шейрана все еще с недоверием.

— Если я не в твоем вкусе, зачем согласился с предложением барона? Зачем привел меня в свою спальню?

— А ты предпочла бы провести эту ночь в постели старика барона или своего мужа кузнеца?

Лицо девушки перекосила гримаса.

— Так я и думал, — усмехнулся Шейран. — В общем, хочешь — возвращайся в кресло, хочешь — ложись в кровать. Обещаю, не трону, — виконт демонстративно зевнул и взялся расстегивать ремень брюк.

Алана тут же стыдливо отвернулась.

Ферт лишь усмехнулся и продолжил раздеваться. Девчонка его весьма и весьма забавляла.

Раздевшись догола, виконт нырнул под меховое одеяло. Лег на бок: лицом к двери в коридор, спиной к девушке.

Некоторое время в комнате царила тишина, а потом послышался слабый шорох — Алана все же решила последовать совету Шейрана и провести ночь в теплой кровати. Правда, раздеваться девушка посчитала излишним.

Губы Шейрана Ферта украсила слабая улыбка. Девчонке удалось его удивить. Он был почти уверен, что Алана вернется обратно в кресло.

ГЛАВА 4

Сна не было ни в одном глазу. Да и как после случившегося уснуть? От раздиравших меня мыслей и эмоций кружилась голова, а сердце билось так, словно готовилось выпрыгнуть из груди.

Когда я увидела над собой полуголого виконта, то испугалась до безумия, забыла, что я не такая уж и незащищенная жертва. Повела себя как тупоголовая курица.

А ведь план у меня как раз был. Не идеальный, но весьма хороший.

Отха не только по доброте душевной приютила меня. Несмотря на то что большинство жителей Заречного опасались знахарки, она искренне любила деревню. Во мне Отха видела свою преемницу. Ведь для того, чтобы стать хорошей знахаркой или травницей, одних знаний недостаточно. Нужна еще и сила. Магическая сила. И она у меня как раз была.

Первую брачную ночь я действительно собиралась провести в постели барона, но убажывать старика бы не стала, а с чистой совестью отправила бы его в глубокий сон без сновидений. Мне вполне по силам усыпить одного-двух человек, не прибегая к помощи костылей в виде порошков и зелий.

Но когда я, проснувшись, увидела виконта Ферта, то о своем плане даже не вспомнила.

Черт! Да я повела себя как монашка, которая ни разу голого мужика не видела. Как какая-то дремучая девственница!

И это при том, что как раз девственницей я уже пару лет не являлась.

Я нервно хихикнула. И тут же мысленно отвесила себе подзатыльник.

За полночи я убедилась, что баронский гость имеет привычку спать невероятно чутко. Стоило мне пошевелиться, издать ненароком какой-то звук, как дыхание мужчины сбивалось и он почти выныривал из пучины сна.

Можно было бы сделать сон Ферта более крепким. Но я решила не тратить попусту силу, которой у меня имелось не так много, как хотелось бы.

Ладно, нет худа без добра. Определенно есть плюсы в том, что сосед по кровати считает меня истеричной и невинной дурехой. Авось и правда не польстится на мое худосочное тело.

Я не хотела спать. Не собиралась спать. Но все же как-то заснула. Иного объяснения тому, что за окном ярко светит солнце, а я лежу в постели одна-одинешенька, — не было.

В комнате тоже никого. Судя по положению солнца, время близилось к обеду.

От злости и обиды на саму себя хотелось завывать.

Почивала я сладко, как младенец. Не чувствовала каких-либо неудобств или волнений от того, что спала в постели незнакомого мужика. Впору подумать, что баронский гость меня чем-то опоил или околдовал.

Прислушалась к себе. Я прекрасно понимала, что являюсь всего лишь деревенской травницей, мои знания в магии более чем поверхностны. Но все же сон, похоже, был обычным, не наведенным. Да и зачем бы это виконту потребовалось меня усыплять?.. Во всем виновато чрезмер-

ное утомление последних дней, как физическое, так и психологическое.

Поднялась с кровати. Поддавшись порыву, сладко потянулась.

Одно хорошо: чувствовала я себя полностью выспавшейся и хорошо отдохнувшей. Давно со мной такого не было.

Для моего платья пребывание в чужой постели бесследно не прошло, за ночь оно безнадежно помялось и теперь походило не на наряд невесты, а на саван привидения. На голове тоже царил суший бардак — длинные рыжие лохмы перепутались и растрепались. Сейчас я, пожалуй, как никогда напоминала деревенскую ведьму.

— Хорошо спалось? — раздался недовольный голос за моей спиной.

Я подпрыгнула и резко обернулась. В дверях, ведущих в смежную комнату, стоял Тони. Судя по опухшей физиономии и красным от лопнувших сосудов глазам, слуге Ферта этой ночью поспать не удалось.

— Спасибо. Неплохо, — ответила я. — Э-э-э... я пойду.

Быстрым шагом направилась к двери в коридор. Ночь давно подошла к концу, я имела полное право вернуться в деревню к ненавистному супругу.

Тони преградил мне дорогу.

— Тебе придется на некоторое время задержаться. Ферт еще не закончил с тобой.

Смотрел на меня мужчина с раздражением, как на мелкую собачонку, которая путается под ногами. Разговор со мной он явно считал бессмысленной тратой времени.

— Что это значит? — Ком подкатил к моему горлу.

— То и значит, — просто ответил слуга.

— Первая брачная ночь закончилась, и я...

— Для тебя еще ничего не закончилось, — отрезал Тони. — Уж не знаю, чем ты привлекла лорда Ферта, но он решил, что ты составишь ему компанию еще на несколько дней и ночей.

— Но барон...

— Лорд Ольгрейд, разумеется, не возражал.

Вот вляпалась же! И ведь баронскую волю не оспоришь, он вполне в своем праве.

Как чувствовала, нельзя было спать. Выскользнула бы на заре тихонько из спальни и вернулась в деревню. Возвращать бы меня виконт вряд ли стал.

Впрочем, и сейчас еще не все потеряно...

— Понятно... — вздохнула я и, смущенно улыбнувшись, пролепетала: — Но вот какое дело, у меня есть некие потребности. Мне бы...

— До нужника можешь прогуляться. До кухни тоже.

С души упал камень.

— Но за территорию крепостной стены даже и не думай выходить, — продолжил слуга. — Страже категорически запрещено выпускать тебя из замка. Надеюсь, ты не дашь мне поводов для беспокойства?.. В противном случае пожалеешь. Ясно?

— Да...

— Иди тогда. И так много времени на тебя потратил... На обратном пути захвати мне с кухни что-нибудь поесть.

Зачем?! Ну зачем я понадобилась этому лорду Ферту? Ведь сам же вчера сказал, что девственницы не в его вкусе. Неужели передумал?..

Но опять-таки почему я? И в замке, и в окрестных деревнях хватает пригожих девиц. Я же, как говорится, не вышла ни кожей, ни рожей. Не полная уродина, конечно, но и женских прелестей у меня почти что и нет. Фигура как у мальчишки. Грудь с кулачок, задница немногим больше. Опять же веснушки... Разве нормального мужчину может привлечь подобная девица? Нет, определенно, у Ферта ко мне другой интерес. Либо моя сила, либо мое происхождение. И тут еще вопрос, что обернется для меня большими проблемами.

Безумно хотелось, как героине из одной старой сказки, провалиться сквозь пол и оказаться в совершенно другом месте. Только вот, если верить наставнице, секрет перемещения в пространстве утерян давным-давно. А даже если

бы я знала подходящее заклинание, все равно бы ничего не вышло — силенок у меня маловато.

Близко к замковым воротам подходить не стала, понаблюдала за ними издалека, так как была твердо намерена поводов для беспокойства слуге Ферта раньше времени не давать.

Стражу у ворот, как обычно, несли пятеро воинов, во внутреннем дворе замка крутились еще пара десятков человек. И нечего мечтать о том, чтобы проскользнуть за ворота незамеченной. Была бы сейчас ночь, можно было бы попытаться. А так... Средь бела дня и большого скопления людей полог невидимости не накинешь, глаза половине замка тоже не отведешь.

Ночью же другая напасть — ворота закрыты. Так что либо пытаться выскользнуть в сумерках, либо раздобыть где-нибудь веревку и ночью спуститься со стены... Либо я зря себя накручиваю, и все не так страшно, как кажется на первый взгляд. Сначала надо переговорить с лордом Фертом, а потом решаться на побег. Ведь даже если я сбегу из замка и меня не перехватят по дороге, не застанут за применением колдовской силы, то что потом?! В деревню я вернуться не смогу. А отправиться куда глаза глядят, вот так, без денег, припасов и нормальной одежды — сродни изощренному способу самоубийства.

В животе громко заурчало, напомнив тем самым, что время обеда давно прошло, а со вчерашнего вечера во рту не было и маковой росинки. Ноги сами понесли в сторону замковой кухни.

Слуги провожали меня взглядами, перешептывались за спиной. К такому поведению окружающих я давно привыкла — каких только разговоров обо мне не ходило! — но все же сейчас было не по себе. Чую, после прогулки по коридорам замка в мятом свадебном платье про меня добавится новая порция сплетен, на мою голову выльют целое ведро помоев.

Ноздри трепетали от доносившихся с кухни аппетитных запахов. Все проблемы как-то отошли на второй план, я гадала, удастся ли выпросить у кухарки кусок окорока

или придется довольствоваться жидкой чечевичной похлебкой с куском черствой лепешки.

Вдруг чья-то огромная лапа зажала мне рот и нос. Меня подхватили на руки и затащили в темную кладовку. Я брыкалась, царапалась, дралась... но все мои действия были как мертвому припарка. Это все равно что пытаться ребенку побороть взрослого мужчину. Да что там! Я даже кожу на руке похитителя прокусить не смогла, настолько она была загрубевшая.

— Тише... Малышка, тише! — обжег ухо горячий шепот.

Голос сложно было не узнать. Меня решил навестить ненаглядный муженек собственной персоной.

Замерла. Попыталась успокоиться.

— Я уберу руку. Ты только не кричи, слышишь?

Кивнула.

Сын старосты медленно убрал руку с моего лица, и я наконец смогла вдохнуть.

— Фирдан! Дьявол, укуси тебя за пятку! Я чуть не задохнулась! — прошипела я.

— Малышка, извини...

Вырвалась из рук супруга, отступила на пару шагов назад... и чуть не споткнулась о сундук. Кузнец вновь притянул меня к себе, да так, что я уткнулась лицом куда-то в область мужниной подмышки. От застарелого запаха пота засвербело в носу, я вновь почувствовала, что задыхаюсь.

— Опустит! — прохрипела я. — Задохнусь же!

— Извини, — пробурчал Фирдан и разжал объятия.

В кладовке было темно, лишь немного света проникало из коридора сквозь дверные щели. Но мне этого скромного источника света оказалось достаточно. К моим немногим талантам относилось и присущее всем ведьмам умение видеть в темноте. Я могла различить очертания стеллажей, которые высились вдоль стен, мешков и коробов, что стояли на полу... Так что на этот раз не обо что не споткнулась.

— Что ты тут делаешь? — набросилась я на Фирдана.

— Хотел тебя повидать, — удивился кузнец. — Ты же моя жена.

— А? Ну да... С этим не поспоришь.

— Прошлой ночью я весь извелся. Чуть с ума не сошел! Как подумаю, что моей жены касался своими лапищами этот грязный лордишка...

Вот тут я бы поспорила. Если у кого и лапы вместо рук, так это у Фирдана, а не у Шейрана Ферта. Да и помыться явно не мешало моему супругу, а не баронскому гостю.

— Утром же, когда я пришел в замок, мне запретили с тобой видеться, — продолжил изливать душу кузнец. — Сказали, что ты задержишься здесь на несколько дней... Это правда?

— Вроде того.

Фирдан глухо выругался и ударил пудовым кулаком по стене. На стеллаже зазвенела посуда.

— Я не должен был позволить забрать тебя!

— Тише! — прошипела я. — Еще не хватало, чтобы на твои крики сбежалось ползамка!

— Алька, я дурак! Идиот! Самодовольный глупец! — горячо зашептал кузнец. — Я... И почему раньше об этом не подумал? Мы должны были сбежать!

— Куда? — хмыкнула я.

И опять он меня Алькой зовет... Не имя это. Кличка. Достойная разве что козы.

— В город! Неужто не смогли бы устроиться? Я кузнец, ты травы хорошо знаешь. За твоими зельями даже из соседних деревень приезжают... Конечно, поначалу тяжело бы пришлось, но мы бы справились!

Сын старосты протянул руку, провел мозолистыми пальцами по моей щеке. Мне стоило невероятных усилий не отшатнуться.

— Все не так просто, — пробормотала я.

— Нет. Так! — упрямо произнес Фирдан. — Алька, а ведь мы еще можем... Давай сбежим в город сейчас... Сегодня! Забудем обо всем, что было. Начнем все заново! У нас даже деньги на первое время будут — те, что барон на свадьбу подарил.

— Ничего не получится, — покачала головой я.

— Почему?!